

Поэтический СВОД:

«Донбасс не может быть красивым...»

Фото Егора Воронова

Станислав Минаков

Белгород

Русский язык преткнётся, и наступит тотальный хутор.
И воцарится хам — в шароварах, с мобилой и ноутбуком.
Всучат ему гроссбух, священный, фатер его с гроссмуттер:
бошам иль бушам кланяйся, лишь не кацапам, сукам.

Русский язык пресечётся, а повыползет из трясин-болотин
отродье всяко, в злобе весёлой плясать, отребье.
Но нам ли искать подачек в глумливых рядах уродин!
Не привыкать-знать — сидеть на воде и хлебе.

Перешагни, пере- что хочешь, пере- лети эти дрянь и мерзость,
ложью и ненавистью харкающее мычанье!
...Мы замолчим, ибо, когда гнилое хайло отверзлось,
«достойно есть» только одно — молчанье.

Что толку твердить «не верю», как водится в режиссуре!
...Мы уйдём — так кот, полосатый амба*, почти без звука
от убийц двуногих уходит зарослями Уссури,
рыжую с чёрным шерсть сокрывая между стеблей бамбука.

Водка «Тигровая» так же горька, как старка.
Ан не впервой, братишки, нам зависать над бездной.
Мы уйдём, как с острова Русский, — эскадра контр-адмирала Старка,
покидая Отчизну земную ради страны Небесной.

Дышит ветер неспешный заветный,
овевая невидимый сад.
Ходит тихо Господь безответный
посреди обезумевших стад.

Никакого им сада не надо
и не надо для сада рассад,
потому что рассада для ада
им отрадней, как собственно ад.

Потому что не кущи, а рощи
разрастаются в тёплой крови.
Потому что бездумней и проще,
и привычнее жить без любви.

*Амба — тигр (уссурийское название).

Ирина Каренина

Минск

Ангелы к ангелам, сволочи — к сволочам.
Были друзьями, кем стали — покажет век.
Тихим ли пламенем бьётся моя свеча,
Лёгким ли саваном в сердце ложится снег...

Были и не были, кто теперь враг и брат —
Не разберёшь, и вот так вот из раза в раз.
Я бы любила и горше ещё стократ,
Только сухие слёзы поют из глаз.

Пей их, бери в ладони горящий лёд,
Глянь, как они цветут, как стоит трава...
Я бы и большее ведала наперёд,
Только и с этого кружится голова.

Только и с нынешней песни в гортани ком,
Перехватило глотку — хрипи в ночи.
Я бы сто лет не плакала ни о ком,
Если бы не малый огонь свечи.

Если б не заповедь: рыбой рождён — плыви,
Птицей рождён — лети сквозь чужие сны...
Господи, пожалей по своей любви
Всех ненавидящих, иже предавших ны.

Из другой, из мирной жизни,
Из другой, из мирной смерти
Писем жду — мол, все здоровы, —
В гладко-розовом конверте.

Мол, на свете том и этом
Нет бомбёжек и обстрелов,
Тихо кружится планета,
А не мчится оголтело,

Враг не точит зуб и ножик,
Не грозит нам бедою,
Ничего-то не тревожит
Среди мира и покоя,

О любви поют поэты,
Больше пули весит слово,
И на свете том и этом
Все вы живы и здоровы.

Марина Кудимова

Перedelкино

КАПИТУЛЯЦИЯ

Генерал Сулопаров не видел города
Реймса — и зрить его не желал,
Сидя в ставке безвылазно.
Он рубец от мундирного ворота
Потирал, из Центра депеши ждал.
Про войну не из тыла знал,

Как она поддавливает на смерть,
На стальную её мормышку,
Как багор её цепок, длиннуца жердь...
А мундир пиявил его подмышку.

Генерал Эйзенхауэр, хитрый Айк,
Приказал холодильники загрузить,
Чтоб нашлось и выпить, и закусить.
Во дворе ординарец затрахал байк.

Зачищают в Курляндском котле траншеи,
А со складов вынесли, что могли.
(И в подмышках жмет, и намин на шее)
ВМБ Либавы не взять с земли.

Охладят шампанское — все как надо.
На монокле Кейтеля — палец блед.
Но победа растянется века на два —
Из войны не вывалился послед,

Пот, землёю довшенный, сыплет градом —
Устоим, ребятушки, ничего!..
И министр обороны перед парадом
Оградит крестным знаменем чело.

Надежда Кондакова

Переделкино

Прощай, немытая Россия девяностых,
спокойно спи на всех своих погостах,
страна фетишей, фейков и невежд, —
страна моих несбывшихся надежд!

Прощайте, мерчендайзеры, менеджеры,
мошенники и воры всех мастей!
и триггеры, и блогеры, и хакеры
невывисавшихся русских новостей.

Прощай, прощай, Россия девяностых,
лежи на преждевременных погостах
всех наших, невписавшихся в твой «квест»,
под вдовий вой несбывшихся невест.

С какого перепугу ни начни, —
да хоть с дефолта, водки и Чечни!
Какая жалость и какой пустяк —
ваш спирт «Рояль» и остальной шмурдяк.

...И вы прощайте, наши гулевые,
открытые, как раны пулевые.
Гламурная Россия нулевых,
поделена на мёртвых и живых.

Егор Воронов

Горловка

Донбасс не может быть красивым,
Как руки старого отца
И фронтовые негативы
На пыльной полке продавца.

Пропахший дымом и уставший
Донбасс всегда был некрасив.
Спокойный, честный и бесстрашный
Наполовину грек и скиф.

Он сотни раз в труде и быте
Сгорал дотла, минуя смерть.
Подобен сотне общежитий,
Готовый каждого согреть.

В шахтёрской робе и косухе,
С разбитой в драке головой,
Немного зол, но не напуган,
С улыбкой грустной и живой.

Донбасс идёт к своей Голгофе,
Под крики сытых гордецов.
Да, некрасив мой край, панове,
Но я люблю его лицо.

ПРОЩАНИЕ

Я — среди живых. А среди мёртвых — сын.
И муж, и друг, и даже — не один...

И не с тобой, мой расторопный стих,
умытая Россия нулевых.

...Где вы теперь — пророки и мессии,
поборники комфорта и бабла?
Моя провинциальная Россия
зачем при вас смиренницей была?!

Зачем опять безмолвовала долго,
когда ей Ургант разгонял тоску,
когда она для вас — в стогу иголка.
(Вы — на Сейшелы, а она — в Москву.)

В Москву, в Москву! — и накормить ребёнка!
В Донбасс! В Донбасс! — и защитить страну,
где чёрным воем воеет похоронка,
и вороны предчувствуют войну.

...И непонятно, как мы выживали,
пока там — вышиванки вышивали,
как жили мы, не размыкая вежд,
в стране моих несбывшихся надежд.

Валерий Котеленец

Барнаул

...И вот мы встали к плечу плечом —
Балда, Емеля, Иван-дурак...
Но нам не выдюжить нипочём —
со всех сторон обступает враг.

Иван-царевич уже давно
собрал манатки — и след простыл.
От супостата в глазах темно.
И Змей Горыныч заходит в тыл...

Ох, не хватает у нас мощей!
Ох, все мы, братцы, ляжем тут!
А на подмогу врагам Кощей
с Поганым Идолищем идут.

Сверкает саблями вражья рать,
грохочут ядра, свистит свинец...
И так не хочется помирать.
А в этой сказке плохой конец.

Но минет время и в некий час
бойцы другие отмстят за нас.
И встретят врага бок о бок
Жучка, внучка и Колобок.

Фото Егора Воронова

Ольга Старушко

Севастополь

Чёрным летом — белый лебедь,
грязно-серый дым.
Чары смертные развеять
нет живой воды.
На бульваре аккуратном,
там, где всё стряслось,
пару ношенных пуантов
кто-то вбил на гвоздь.
Гран батман, мечты о сцене,
где он, твой балет?
Сердце в ключья. Совершенно
нечему болеть.
На стволе под ветром жгучим
в память о беде
пара тифлек летучих
пляшет па-де-де,
от адажио до скерцо:
то затихнут вдруг,
то, как вырванное сердце,
снова — стук да стук.

ЖЕНСКИЕ ЛИЦА

I

За пеклом — ливни. На ноги бойцов
налипла грязь, пудовая, как гири,
и ноги будто налились свинцом.
Смерть обернулась

к вырытой могиле,
и воздух над бульваром резал крик,
и множилось проклятия и стоны.
Ещё ребёнок. Женщина. Старик.
И снова — воин. Мирные. Ребёнок.

И взятых жизнью новая зола
осела меж обломков и осколков.
И был девятый день, как отошла
ко Господу воительница Ольга.

II

Есть в женщине степных донских
краёв
простая и безудержная сила.
Тот, кто хотел искоренить её,
пусть сам найдёт в степи себе могилу.

Отец то возвращался на увал,
то уходил опять на боевые.
Сын возмужал. Отец всё воевал.
Летели письма изредка: живые!

Скажи: она такая не одна —
и будешь прав. Но знай,
что в божьей руке
тот корень, до которого война,
как ни язвит, не сможет дотянуться.

За всех своих молясь, и этих двух,
когда терпеть и ждать невыносимо,
всё вынесет, поскольку с нею Дух,
неотделимый от Отца и Сына.

III

Нет лиц у боли, смерти и войны.
Их взоры — пламя. Голоса —
разрывы.

А то, что рода женского они,
слова, так это вряд ли справедливо.

Лишь у надежды — женское лицо:
любовь и вера, мамины заветы.
И выше смерти над землёй отцов
лик Родины. И будущей Победы.